

но обосновать и, возможно, запланировать в дальнейшем комплексный сопоставительный анализ. Большой хронологический отрезок времени и желание продемонстрировать концептуальное видение проблемы вывели автора за указанные в заглавии монографии хронологические рамки (середина XVI – начало XVII в.). И хотя он оговорил это обстоятельство отдельно, всё же, вероятно, стоило обозначить нижнюю границу исследования как конец XV в.: разделы, характеризующие данный период, содержат весьма любопытные наблюдения.

Интересной частью работы является раздел, интерпретирующий статьи Судебников 1497 и 1550 гг. «О христианском отказе» в сопоставлении с комплексом жалованных грамот и других актов, свидетельствующих о реальной практике крестьянских переходов и выплат пожилого. Вывод о том, что практика взимания пожилого стала итогом формирования общегосударственных норм и не могла сложиться как результат некоего обычая, позволяет задуматься и о рассмотрении других статей Судебников с аналогичных позиций. Ценным является наблюдение В.А. Аракчеева в отношении перевода отдельных территорий от кормлений к приказному управлению ещё в первой половине XVI в., до реформ Избранной рады, что свидетельствует о складывании объективных предпосылок для их проведения.

Александр Виноградов: Была ли Россия второй половины XVI в. европейским государством?

Alexandr Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Was Russia of the second half of the sixteenth century a European state?

Монография В.А. Аракчеева является итогом многолетней исследовательской работы, опирающейся на внушительный комплекс источников, сосредоточенных в различных архивных фондах. Основная задача книги – изучение «новых аспектов правительственной политики в отношении тяглых миров» в контексте социально-политической истории. Правительственная политика в отношении тяглых сословий, в свою очередь, определена автором как главная составляющая всей эволюции социального развития России в XVI в.

«Стержневая» проблема в исследовании Аракчеева заключается в том, в какой мере правительственная политика привела к тяжелейшему кризису, потрясшему Русское государство в начале XVII в. – «Смуте». В этом заключается «вечный вопрос» отечественной историографии – проблема отношения «власти и общества».

Автор критически рассматривает «противоречащие друг другу взгляды на отношение власти и общества России XVI – начала XVII в.: 1) власть опирается на народ и “землю” и действует в конечном итоге в их интересах (земская монархия); 2) власть действует, не считаясь с интересами народа, эволюционируя в сторону “самодержавной монархии деспотического типа”» (с. 412). Критика автором данной постановки вопроса, исторически сложившегося в отечественной историографии и уходящего корнями в XIX в., абсолютно правомерна, так как сама концепция противопоставления «земской монархии» и «самодержавной монархии деспотического типа» носит в значительной степени «историософский характер». Тем не менее основной вывод исследователя, завершающий монографию – «Россия второй половины XVI – начала XVII в. предстаёт как европейское государство» (с. 412), – нуждается в уточнении.

Подобное заключение, как представляется, должно опираться на всесторонний сравнительный анализ политики государства в отношении тяглых сословий в России и странах Западной Европы (либо ближайших соседей – Речи Посполитой, Швеции), что, естественно, было невозможно осуществить в рамках обсуждаемой монографии. Сам автор ранее (в автореферате диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук) делал более осторожный вывод: «Российское государство предстаёт типологически близким сословно-представительным монархиям Западной и Центральной Европы XIV–XVII вв., но с особенностями, обусловленными более поздним и незавершённым процессом формирования сословий» (с. 46). В этом смысле Аракчеев справедливо отмечает, что крестьяне и посадские люди в России, не обладая законодательно зафиксированными привилегиями, «мало походили на сословия Западной Европы этого времени».

Отмеченная исследователем «тенденция к бюрократизации, рационализации и унификации», будучи общеевропейским явлением, вытекала в то же время из логики всего государственного развития России. Кроме того, сама «земская реформа» Ивана Грозного носила во многом специфический характер, обусловленный особенностями такого большого по размерам и неоднородного по социально-экономическим условиям государства, как Российское. Это же подтверждает рассматриваемый в монографии материал о работе центральных учреждений, в первую очередь приказов. Знаменательно, что выводы автора о формах работы государственного аппарата в центре и на местах при проведении политики в отношении тяглых сословий практически полностью соотносятся с заключениями других отечественных учёных²².

В целом «общеевропейские тенденции», несомненно, проявляются при рассмотрении политики всех правительств Русского государства XVI в. Однако Аракчеев в данном контексте отметил только появление в 1560-х гг. института «посланников» как аналогичного существовавшим в Западной Европе до XV в. Отмечу, что сам термин «правительство» абсолютно правомерен. Тем не менее вопрос о реконструкции состава правительства России второй половины XVI – начала XVII в. в плане выявления лиц, конкретно осуществлявших меры в отношении тяглых сословий, на наш взгляд, недостаточно рассмотрен автором.

Хронологически исследование Аракчеева рассматривает политику «правительства реформ» Ивана Грозного (по историографической традиции часто именуемого «правительством Избранной рады»), опричного режима середины 1560-х – начала 1570-х гг., «послеопричного правительства» Ивана Грозного, правительства царя Фёдора Ивановича, где, как известно, доминировал Б.Ф. Годунов и, наконец, правительства самого Бориса Фёдоровича после занятия им царского престола. При этом автор уделил внимание только персональному составу правительства 1550-х гг. Констатируя, что «обстоятельный анализ правящих групп в Русском государстве был представлен в трудах А.А. Зимина», автор подчеркнул, что именно Зимин «реконструировал состав “Избранной рады” – Ближней думы 1550-х гг.» (с. 10).

Между тем роль, состав «Избранной рады» и её тождественность «Ближней думе» уже давно являются предметом разногласий между исследователями. Как известно, ни М.М. Щербатов, ни Н.М. Карамзин не пользовались этим понятием, а впервые его ввёл в научный оборот С.М. Соловьёв. С.В. Бахру-

---

²² Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988; Лисейцев Д.В. Указ. соч.

шин выдвинул предположение о том, что «Избранная рада» Курбского – это Ближняя дума, куда он, помимо ряда бояр и «лидера» (А.Ф. Адашева), включил ещё и Сильвестра²³. В дальнейшем в работах С.О. Шмидта, А.А. Зиминой, Р.Г. Скрынникова и В.Д. Назарова закрепились идея С.В. Бахрушина об «Избранной раде» как о правительстве «компромисса» между различными слоями класса феодалов. Важно то обстоятельство, что в отечественной историографии начиная с 1960-х гг. правящую группу во главе с царём Иваном Грозным устойчиво стали именовать «правительством». В этом смысле чёткий положительный ответ Аракчеева на вопрос о том, имеет ли право на существование термин «правительство» в отношении реалий России второй половины XVI в., абсолютно правомерен и полностью лежит в русле традиций отечественной историографии.

Однако в течение долгого времени вопрос о персональном составе правящей группы – «правительства» – связывался в отечественной историографии прежде всего с эпохой «Избранной рады». Её состав многократно уточнялся, но тезис о тождественности Ближней думе оставался неизменным. Эта традиция отразилась и в трудах зарубежных учёных. Так, польский исследователь И. Граля в известной работе о дьяке И.М. Висковатом безоговорочно поддерживал концепцию о тождественности «Избранной рады» и Ближней думы, включив в неё своего героя²⁴. Всё это постепенно стало заслонять главный вопрос о преемственности правительственной политики 1550–1560-х гг. и послеопричного периода, в том числе в отношении тяглых сословий.

Положение стало меняться в 1990-х гг. Р.Г. Скрынников, признавая тождественность правительства Ивана IV и «Избранной рады», полагал, что правительство «Избранной рады» находилось у власти с 1553/54 по 1560 г., а до того – правительство Захарьиных-Юрьевых и А.Ф. Адашева²⁵. Острая дискуссия велась относительно времени падения «правительства Избранной рады», которая в значительной степени благодаря А.Л. Хорошкевич стала связываться исключительно с разногласиями между царём и его окружением по внешнеполитическим вопросам. Наконец, А.И. Филюшкин в исследовании, вызвавшем неоднозначную реакцию в историческом сообществе, вообще выдвинул тезис о том, что «Избранная рада» – не более чем историографический миф и ни в коей мере не может отождествляться с правительством Ивана Грозного. Его состав, по мнению Филюшкина, может быть прослежен из года в год по источникам официального происхождения, а разграничение периодов «Избранной рады» и опричнины более чем условно²⁶.

Тезис о преемственности правительственной политики в отношении тяглых сословий 1550-х гг., периода опричнины и послеопричного времени является основным и в исследовании Аракчеева. Между тем именно «на высшем уровне», в отличие от положения на местах, такую преемственность установить весьма проблематично, что, в конечном итоге, признал и сам автор. Констатируя, что «исследователям не всегда ясен механизм принятия решений Боярской думы и неизвестен состав лиц, принявших участие в обсуждении и принятии

---

²³ Бахрушин С.В. Избранная рада Ивана Грозного // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 336–337.

²⁴ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 91–92.

²⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 117–121.

²⁶ Филюшкин А.И. История одной мистификации. Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

царских указов как с боярским приговором, так и без него», автор ограничивается только перечислением лиц, зафиксированных в приговоре 1555 г. о разбойных делах.

Весьма спорным представляется, на наш взгляд, и следующее заключение автора: «для того, чтобы составить представление о составе Ближней Думы, необходимо, как писал Зимин, дополнить перечисленными в приговоре светских лиц фигурами Макария и Сильвестра, которые принимали самое активное участие в выработке программы реформ» (с. 10). Вообще историографическая традиция привлечения особого внимания именно к фигурам «правительства Избранной рады» явно довлеет над автором. Между тем при проведении правительственной политики в отношении тяглых сословий в отличие, скажем, от внешнеполитических вопросов, мы имеем крайне мало сведений о непосредственных инициативах «ключевых фигур» правящей элиты 1550-х гг., за исключением, может быть, прямого участия Адашева в подготовке указа 1556 г. о запрете холопам, получившим отпускные, оставаться на службе²⁷. Однако Аракчеев вслед за Зиминим чисто умозрительно связал недоказанное участие Адашева в составлении «Никоновской летописи» (список Оболенского) с его стремлением изложить таким образом «политическую программу реформ правительства компромисса».

Такая позиция автора выглядит нелогично, ведь он сам в конечном итоге отказывается от рассмотрения сложных вопросов «персональной ответственности» Ивана Грозного и Бориса Годунова, как и политической элиты того времени, за политику в отношении тяглых сословий. Это задача самостоятельного исследования, к тому же вряд ли осуществимая в полной мере при современном состоянии источниковой базы. Тем не менее автор обоснованно связал активизацию правительственной политики именно с периодом правительства «Избранной рады», т.е. «правительства реформ». Главный итог реформ 1550-х гг. – появление института «земства», причём, как подчеркнул Аракчеев, только в черносошных посадах и волостях с однородной структурой населения. В районах, где превалировало поместно-вотчинное земледелие, самоуправляющиеся земства так и не возникли (чрезвычайно важная мысль исследователя, не получившая в его работе полного развития).

Трактовка автором изменений в правительственной политике в отношении тяглых сословий в период опричнины опирается на всесторонний анализ источников. Главная идея сформулирована им предельно чётко: «Несмотря на то, что в долговременной перспективе земские миры проиграли от введения опричного порядка в условиях социально-политической конъюнктуры 1560–1570-х гг., власть могла опираться на “землю”» (с. 368). Вообще рассмотрение итогов многолетних дискуссий о месте опричнины в истории России, в отличие от места эпохи «правительства Избранной рады», представлены в труде Аракчеева весьма обстоятельно. Констатируя наличие серьёзных дискуссий в отечественной историографии относительно причин введения опричнины и её влияния на социально-политическое развитие России, автор сосредоточился на проблеме взаимоотношений земских миров и государства. Концептуально эта позиция обоснована безупречно: обозначив противоположные друг другу концепции А.Л. Хорошкевич и И.Я. Фроянова, он предложил в качестве альтернативы версию А.П. Павлова, согласно которой опричина представляла собой введение режима «чрезвычайного положения» с целью поставить под контроль

²⁷ Там же. С. 111.

набирающие силы сословно-представительские тенденции. Согласно мнению Павлова и Аракчеева, «ключевое звено» в осмыслении феномена опричнины лежит именно в плоскости политики государства в отношении земских миров.

Эта политика может быть рассмотрена только в контексте изучения административной практики опричного и послеопричного времени, при исследовании которых автор пришёл к выводу: при формировании опричного порядка искоренения созданных в 1550-х гг. земских учреждений не произошло. Более того, опричные власти не ликвидировали их даже при проведении таких крупноформатных карательных акций, как поход на Новгород Великий. Противоречие между «чрезвычайщиной» и сохранением прежних институтов автор объяснил неспособностью опричного правительства решить задачи немедленного «изъятия материальных ресурсов» одновременно со «сломом» всей социальной структуры.

Аракчеев напомнил, что введение опричнины сопровождалась апелляцией государя именно к «земству». Яркая выраженная тенденция опоры «на землю» при проведении политики в отношении тяглых сословий осуществлялась в рамках общей консолидации «земли» в условиях внешней военной угрозы на завершающем этапе Ливонской войны. Отмена же опричнины именно в момент наиболее острой фазы конфронтации Русского государства с Крымским ханством показательна. Автор не рассмотрел специально этот вопрос, так как формально он выходит за рамки исследования. Однако её изучение в контексте рассмотрения последствий походов Девлет-Гирея I на Русское государство 1571–1572 гг. имеет, на мой взгляд, большие перспективы.

Административная практика 1570–1580-х гг. – в «послеопричный» период правления Ивана Грозного и в начале царствования Фёдора Ивановича – исследованы автором весьма обстоятельно. Названы реальные исполнители правительственной политики; особенно хочется отметить выявленное Аракчеевым участие посольских дьяков Андрея Васильева и братьев Андрея и Василия Щелкаловых в управлении четвертями. Вообще рост могущества клана Щелкаловых начался именно в 1570-е гг. К сожалению, автор не связал объединение в руках А.Я. Щелкалова в 1570 г. Казанского, Нижегородского и Мещерского дворцов с его назначением в том же году посольским дьяком. В этом смысле логично было сделать вывод об особой роли Щелкаловых в правительстве Фёдора Ивановича и Бориса Фёдоровича Годунова. Ведь в отличие от не совсем ясного участия деятелей так называемой Избранной рады в земской реформе 1550-х гг., роль Щелкаловых в правительственной политике в отношении тяглых сословий показана автором достаточно отчётливо.

Преимуществом политики «правительства Избранной рады», «опричного» и «послеопричного» правительств Ивана Грозного с политикой правительств Фёдора Ивановича и Бориса Фёдоровича в отношении тяглых сословий – главный вывод автора. Она не имела альтернативы именно потому, что не противоречила интересам «земства». Показателен в этом смысле вывод автора об отсутствии «альтернативных тенденций» к социально-экономическому развитию в «земской части» Русского государства в период «опричнины».

Вопрос о политике «закрепощения» рассмотрен автором в тесной связи с ходом и итогами земской реформы. Складывание системы закрепостительных мероприятий в отношении частновладельческих крестьян освещён в контексте общей политики государства в социально-экономической сфере. Причём Аракчеев пришёл к заключениям, ставящим под сомнение его же тезис о «проявив-

шейся тенденции к унификации». Ведь основной вывод автора состоит в том, что условия «закрепощения» различались на частновладельческих и «чёрных» землях, что, в конечном итоге, привело к различию в положении, а главное, в правовом статусе частновладельческих крестьян и «чёрных» тяглых людей.

Итоги правительственной политики в отношении тяглых сословий ярко проявились в земском движении в годы Смуты, что исследуется автором прежде всего на материале Северо-Запада России и Пскова. Углубленное изучение именно роли «земства» в Смуте осуществляется в русле современных тенденций отечественной историографии и весьма продуктивно. Необходимо подчеркнуть: «земская история Смуты» должна стать предметом самостоятельного исследования, и Аракчеев в завершающих разделах монографии наметил его основные направления. При этом отмеченное автором наличие двух синхронно протекающих в русле правительственной политики процессов – закрепощения и привлечения земских учреждений к административному и фискальному управлению на местном уровне – в значительной предопределило ход и итоги Смуты.

В целом непосредственный анализ правительственной политики в отношении тяглых сословий России, проведенный В.А. Аракчеевым, на мой взгляд, свидетельствует о том, что отношения власти и общества этого периода, скорее, укладываются в формулировку «самодержавная земская монархия». Именно такая форма государственного устройства в России устояла в период Смуты и определила развитие страны в последующие десятилетия XVII в.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым